

Игнатий Потапенко

Тайна

ИГНАТИЙ ПОТАПЕНКО

Тайна

«Public Domain»

1892

Потапенко И. Н.

Тайна / И. Н. Потапенко — «Public Domain», 1892

«Члены суда начинают позевывать. В публике заметно падает оживление. Она почти начинает убеждаться, что тут нет никакой тайны, и дело объясняется очень просто – припадком умоисступления. Это слишком простая вещь, чтобы ею интересоваться. Только когда медленно и неохотно подымается старик, чтобы дать то или другое разъяснение, она еще с упованием смотрит на него: не откроет ли он что-нибудь? Вдруг он одним сильным словом приподымет завесу и там откроется какая-нибудь страшная семейная тайна – и публика будет разом вознаграждена за терпение... Но все его объяснения – это три слова: „Все так было“. Это становится скучно и досадно.»

Игнатий Николаевич Потапенко

Тайна

(Очерк)

– Подсудимый, вы обвиняетесь в том, что 3 декабря минувшего года вы в вашей квартире покушались на убийство вашего родного сына, Николая Холодова, внезапно набросившись на него с ножом, взятым вами тут же, на обеденном столе, причем нанесли ему рану в шею, рану, признанную врачами тяжкой. Признаете ли вы себя в этом виновным?

При первых словах председателя со скамьи подсудимых поднялся сухощавый, незначительного вида старик в черном сюртуке, не блиставшем новизной, но сшитом безукоризненно. Лицо его было бледно, глаза, окруженные мелкими морщинками, смотрели просто, вдумчиво, не выражая ни злобы, ни заметного страдания. У него были короткие реденькие усы и узенькая седая борода. На впалых морщинистых щеках волосы не росли. Голова была острижена очень низко, волосы на ней хорошо сохранились и были почти сплошь черные.

Он откашлялся, несколько раз подряд сдвинул седые, редкие брови и сказал с расстановкой, внятно, но голосом негромким и слегка дрожащим:

– Признаю себя виновным!

– Расскажите, как было дело.

– Так, как рассказано в обвинительном акте. Я ничего не могу ни изменить, ни прибавить! Сказав это, он сел на свое прежнее место, опустил голову и сложил руки на коленях.

– Подсудимый, что же вас заставило совершить этот поступок? – спросил председатель.

Старик медленно, с очевидной неохотой опять поднялся.

– Я ничего не могу прибавить, – повторил он поспешно опустившись на скамейку. Но председатель еще не кончил свои вопросы.

– Подсудимый!

Старик опять поднялся и посмотрел на спрашивавшего с укором. Взгляд его как бы говорил: "Зачем вы меня тревожите? Разве вы не видите, что я ничего не хочу сказать!"

– Подсудимый! Вы имеете право отказаться от дачи объяснений. Итак, вы пользуетесь этим правом и не желаете давать объяснений?

– Я ничего не могу прибавить! – в третий раз повторил старик Холодов.

– Садитесь!

Он сел и тотчас же принял прежнюю позу. Среди присяжных, сидевших напротив, произошло легкое движение. Некоторые из них шептались, взглядывая на старика. В то время, как председатель внимательно смотрел в какую-то бумагу, а секретарь что-то записывал быстрым почерком, в публике повторилось то же движение, что и среди присяжных. Все с любопытством осматривали старика, который, казалось, весь сосредоточился на своих руках, лежавших на коленях, и не обращал никакого внимания на то, что вокруг него делалось. По оживленному выражению лиц всех присутствовавших в зале можно было видеть, что дело с первого же момента сполна завладело общим вниманием. Даже члены суда, сидевшие по обе стороны председателя, обыкновенно, как бы по самому смыслу своей должности, начинающие скучать с той минуты, когда вводят подсудимого, на этот раз разделяли общее оживление.

– Г. судебный пристав, пригласите свидетеля Налимова!

Старик не переменил позы. Свидетель Налимов – человек лет тридцати, красавец, с короткими белокурыми кудрями, одет очень изысканно, смотрит весело, почти радостно, и только в тот момент, когда взор его как бы случайно упал на старика, на лице его выразилась жалость.

Свидетель Налимов звучным, приятным баритоном сообщает, что он в семействе Холодова с давних пор был принят как свой человек. Еще когда старик Холодов был учителем в гимназии, он был его учеником; ставши студентом, он давал уроки его сыну, Николаю, а кончив университет, получил место учителя в той же гимназии, где до своей, по причине старости и расстроенного здоровья, отставки преподавал Холодов. За неделю, до катастрофы он сделал предложение дочери старика и получил согласие. 3 декабря он обедал у них; обедала вся семья, старик был серьезен и молчалив, чего прежде за ним не замечалось.

– Напротив, – говорил свидетель, – он любил поболтать в своей семье, любил затрагивать отвлеченные темы, часто вспоминал о том времени, когда он был студентом Московского университета, с восторгом пересказывал нам целые лекции Грановского, к памяти которого он относился с обожанием; иногда со слезами на глазах вспоминал о том, как он однажды был счастлив увидеть на улице в Москве Белинского... В этот день он ел молча и как бы не замечал наших шуток и смеха. Николай опоздал к обеду, пришел ко второму блюду, и когда он вошел и весело, с какой-то шуткой, которая нас всех рассмешила, сел за стол, старик посмотрел на него своим долгим взглядом, но не сказал ни слова. После обеда мы ушли в кабинет, а Иван Петрович остался и медленно чистил свой апельсин. Он сказал Николаю? "Погоди минутку, ты мне нужен!" Николай остался, а мы ушли в кабинет. Надо было пройти гостиную. Мы притворили дверь, думая, что у старика с сыном будет какой-нибудь серьезный разговор; не хотели мешать. Николай был на третьем курсе, часто уходил из дому и иногда возвращался к утру. Это портило ему здоровье, старик был недоволен, и мы думали, что об этом будет речь. В кабинете мы продолжали шутить и смеяться. Пили кофе, прошло с четверть часа. Вдруг слышим в столовой шум. Николай кричит. Стул упал, тарелка упала со стола и разбилась. Мы вбежали и увидели ужасную картину. Старик вцепился одной рукой в горло молодому человеку, а в другой – был нож... У Николая шея была окровавлена... Мы развели их. Старик весь дрожал, губы и руки его тряслись. Мы отвели его в гостиную и уложили на диване. Он лишился чувств... Вот все, чему я был очевидцем.

Задавал вопросы прокурор. Он заставил свидетеля повторить, что за обедом, еще до прихода сына, старик был молчалив и задумчив, а следовательно, уже тогда обдумывал свой преступный замысел. Свидетель повторил первую часть, относительно же второй отозвался, что ему неизвестно, что именно обдумывал старик, когда был молчалив. Прокурор также попросил свидетеля вспомнить, не имел ли подсудимый, когда был учителем, жестоких привычек, например – драть за уши или запирать в карцер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.